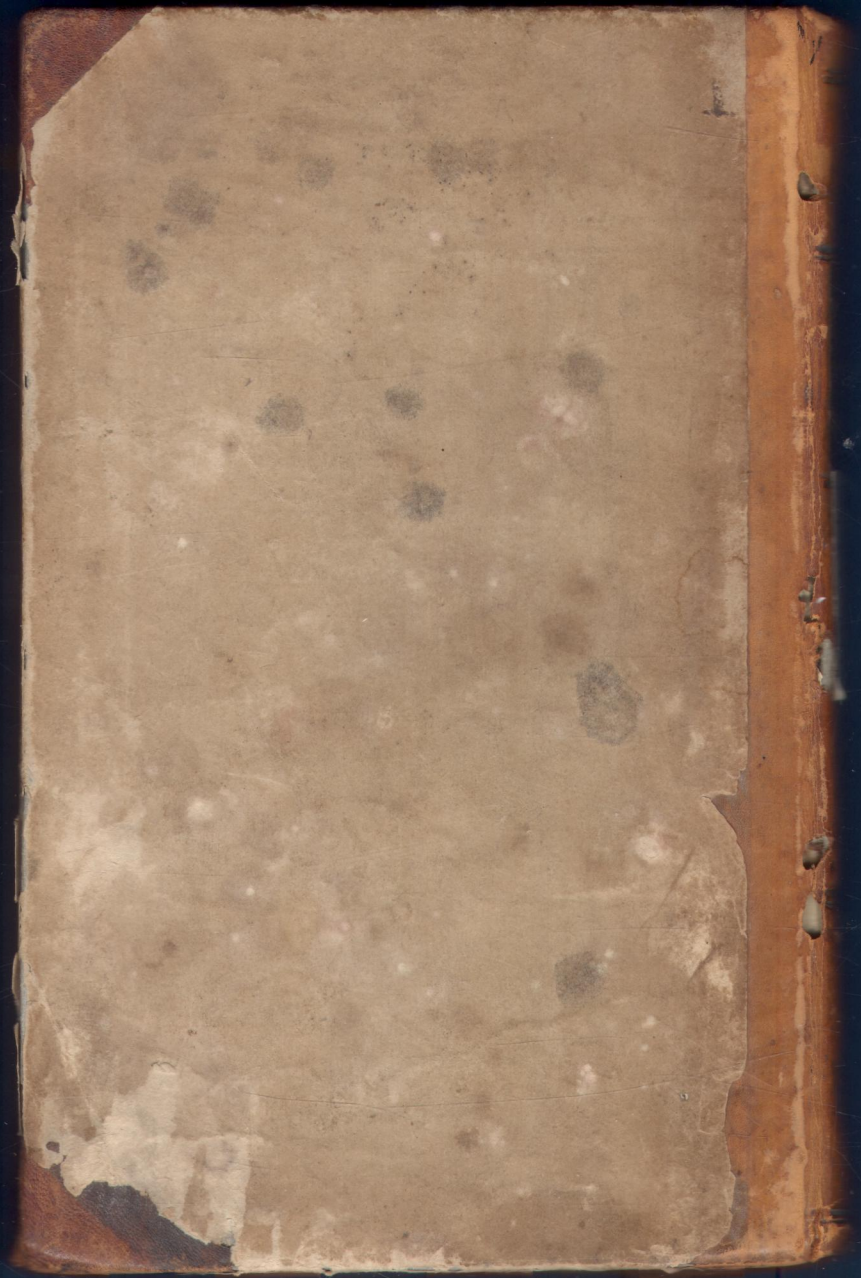

565218

2

PK-XFY-1

РК-ХІІІ-І
565218

У РАЙОН

БЕОГРАД

94

PK-XIV-L

565218

~~J. T~~
~~2183~~

N 422.

1934

PK

5

УКРАИНСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1640 — 1657.

5

УКРАИНСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

MDCXL — MDCLVII.

*Како свободился народъ
Русскій зподъ ига Ляд-
ского Египетского.*

ХАРЬКОВЪ

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ

1835.

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
Inv. № _____

565218

1835
15

02 59

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

Февраля 1, 1835 года. Цензоръ И. Снегиревъ.

Источники, изъ которыхъ я почерпалъ свѣденія для Лѣтописи, адше помѣщенной, и Примѣчаній къ ней, суть:

1. Лѣтописи: — Конисскаго, Исторія Руссовъ, — Рогалевскаго, Краткій Лѣтописецъ, — Туманскаго, Лѣтопись, — Дзѣвовича, Лѣтопись, — Меморіалъ о Гетманахъ Запорожскихъ, — Пространная Лѣтопись о событіяхъ до смерти Хмельницкаго, — Лѣтопись о проименованіи Козаковъ, — Рубана, Малороссійская лѣтопись, — Сказанія о Гетманахъ Запорожскихъ, — Лѣтопись отъ 1506 по 1734, — Описаніе Малой Россіи отъ 1340 по 1754, — Семейная Лѣтопись Квитокъ.

2. *Рукописныя Записки: Описаніе малой Россіи, Шафонскаго, — Записки о Малой Россіи, его-же — Евецкаго, Записки о Морозенкѣ и Тимоѳіѣ Хмельницкѣ, — Записки и Выписки касательно Слободскихъ полковъ, Цебрикова, — Описаніе Харьковскаго Намѣстничества, — Разговоръ Хмельницкаго съ Байтескуломъ, — Выписки изъ записокъ Миллера о Козакахъ, — Записки о правахъ и обычаяхъ Украинцевъ во время Боплана, С. Р.*

Этими Лѣтописями и Записками я пользовался по благосклонности: Г. Тайнаго Совѣтника Сенатора А. Θ. Квитки, Профессора И. Н. Даниловича, Профессора А. Θ. Павловскаго, Статскаго Совѣтника И. М. Цебрикова, М. А. Бедраги, В. С. Курдюмова, Ю. И. Вене-

лина, А. И. Павлова, И. Т. Подольскаго и др.

Отрывокъ о событіяхъ съ 1654 по 1657 (стр. 93—105) есть дословная выписка изъ Описанія Малой Россіи отъ 1340 по 1754.

3. Думы и Пѣсни. Подлинныя помѣщены въ Зап. Стар. II. 1. Здѣсь онѣ находятся въ переводѣ, и пояснены примѣчаніями, за кои во многомъ обязанъ благодарностью К. Р. Подольской, Г. Θ. Квиткѣ, М. А. Максимовичу, О. С. Евецкому, Θ. С. Евецкому и др.

4. Преданія — большею частію собраны мною самимъ на мѣстѣ въ поѣздку на Днѣпровскіе пороги.

5. Сказанія Лѣтописцевъ и преданій народныхъ я старался по возможности повѣрять сказаніями писателей иностранныхъ: Лубен-

скаго, Боплана, Пасторія, Шевалье, Енгеля, Пьсецкаго и др.

6. Актами и Записками дипломатическими пользовался изъ Собранія Госуд. Грамотъ и договоровъ, Исторіи Уніи и Исторіи Малой Россіи, Бантыша Каменскаго. Исторія Малой Россіи была для меня важнымъ пособіемъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ ней заключаются выписки изъ Лѣтописей, мнѣ неизвѣстныхъ.

И. С.

Харьковъ.

1835. Мая 3.

ЛѢТОПИСЬ.

1640 - 1654

*Тако свободился народъ
Русскій зподъ ига Лядскаго
Египетскаго.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Былъ конецъ первой половины XVII
вѣка.

Народъ Украинскій бѣдовалъ подъ
игомъ Поляковъ и Жидовъ.

Его достояніе было расхищено: одни нищіе оставались безопасны подъ своимъ отребіемъ. Земля его стала погономъ разбойниковъ; и шивы были незасѣяны, и пастбища пусты. Вѣра его была поправа: рабами Жидовъ были служители церкви; на откупѣ у Жидовъ были храмы Господни, и всѣ обряды, и всѣ таинства святой Вѣры.

Цвѣтъ народа Украинскаго, Козаки, которыхъ отвага когда-то славилась, потомъ уничижала оружіе Ляховъ, Козаки, прежде гордые именемъ защитниковъ Христіанства, нынѣ обезсиленные, угнетенные были униженными рабами прихоти своихъ мстивыхъ владыкъ, и острили сабли, и заряжали самопалы только другъ на друга: единодушіе, крѣпившее когда-то ихъ силу, исчезло; личные раздоры себялюбцевъ, искавшихъ власти для обогащенія, непрерывно пораждали раздоры войсковые; а Ляхи карая мятежниковъ, сами раздували пламя бунта междоусобій, надѣясь, что паденіе Войска

Запорожскаго навсегда обезпечить ихъ власть въ Украинѣ. Только небольшая часть Козаковъ, Кравчина Запорожская, сохранила независимость въ лѣсахъ и степяхъ Поддѣпровскихъ; но крамолы и распри зашли и туда: стычки съ Татарами и Турками смѣнялись кровавыми пирами межусобицъ, и головы Кошевыхъ и старшинъ что-ни-годъ приносились въ жертву новымъ вождямъ, кои въ свою очередь были жертвами новыхъ козней и раздоровъ. Кравчина слабѣла; Ляхи были наготовѣ, — и въ Никитинской сѣчи сѣлъ наконецъ гарнизонъ Польскій.

Дворяне Украинскіе одни за другими переходили на сторону Ляховъ, принимали вѣру Уніатскую и Католическую, и вмѣстѣ съ ними угнѣтали Православіе. Между сановниками духовными слишкомъ немногіе были истинными ревнителями Церкви, да и тѣ должны были покорствовать силѣ вражьей: голосъ самаго Митрополита Петра Могилы часто воцѣлялъ въ пустынѣ.

Таково было состояніе Украины въ послѣдніе годы первой половины XVII вѣка. Вотъ что пережила себѣ эта страна, когда то богатая, славная, теперь облитая кровью, усѣянная костями своихъ храбрыхъ сыновъ, за полувѣковую борьбу ихъ съ Ляхами во славу Православія.

Но роковая година Украины близилась....

II.

Начну свою повѣсть съ того времени, какъ Наказнымъ Гетманомъ Козацкимъ озвался Николай Ялмужна Зацвѣлиховскій. Это было около 1645 - 1646. Новый вождь Козаковъ былъ избранъ самими Поляками; но выборъ ихъ былъ неудаченъ. Храбрый, отважный Ялмужна скоро отличился въ битвахъ съ Татарами, и своими побѣдами заслужилъ любовь дружинъ Козацкихъ; а потомъ началъ сношенія съ Царемъ Московскимъ. Не того нужно было Ляхамъ; и Ялмужна былъ схваченъ, и, вѣрно, кончилъ жизнь,

какъ окончили ее Наливайко, Павлюкъ, Острияница; а на его мѣстѣ явился Иванъ Барабашъ.

Высокомѣрный, подлый, корыстолюбивый: таковъ былъ онъ; и мятежъ былъ слѣдствіемъ его вступленія въ должность. Главная дружина Кравчины Запорожской, Линчаевцы отдѣлились, избрали себѣ отдѣльнаго Гетмана и укрѣпились въ Никитинской сѣчи. Началась междоусобная брань. Митрополитъ Петръ и Войсковой Писарь Зиновій Богданъ Хмельницкій старались помирить враждующихъ товарищей, но ихъ усилія оставались тщетны до тѣхъ поръ, пока Барабашъ съ помощію Поляковъ сразилъ Линчаевцевъ, и однихъ изъ нихъ заставилъ бѣжать въ луга и степи, другихъ покориться своей волѣ. Впрочемъ покой длился не долго. Барабашъ, смиривъ мятежъ, не смирилъ себя, и непрерывно подавалъ новыя причины къ возобновленію бунта: помогалъ Полякамъ утѣснять поборами Козаковъ охочекомонныхъ, помогалъ Іезуитамъ

и Уніатамъ обращать ихъ въ Унію, помогаль Жидамъ угнѣтать селянъ. Жажда корысти вела его ко всему, на все.

Собралась Рада. Старшины Козацкіе рѣшились допросить Барабаша, что затѣваетъ онъ, чѣмъ все это кончится. — Я обязанъ отвѣтомъ одному Королю; — отвѣчалъ Барабашъ.

— И дашь отвѣтъ намъ. Оправдывайся или Рада будетъ судить тебя какъ измѣнника; — возразилъ Судья Антонъ Полежаѣ. — Всѣ члены Рады присоединили свои голоса къ голосу Полежаѣ, и требовали откровеннаго признанія. Страхъ смерти потушилъ высокомеріе Барабаша. Онъ смирился, просилъ милости и прощенія, подтвердилъ клятву дѣйствовать въ пользу Войска, и безъ замедленія согласился на предложеніе Хмельницкаго послать къ Королю жалобу на угнѣтенія, претерпѣваемыя Козаками.

Мирно кончилась Рада; но не миръ былъ на сердцѣ Барабаша, Гетмана Іуды. Поспѣшно и тайно онъ увѣдомилъ сеймъ

объ опасности, угрожающей Полякамъ въ Украинѣ, и столь же поспѣшно, и столь же тайно умертвилъ Полежая.

Смерть этого старца, пользовавшагося общимъ уваженіемъ, рѣшила терпѣніе народа. Ни кто не сомнѣвался кто былъ ея виновникомъ. — Барабашъ хотеть всѣхъ насъ предать смерти и въ рабство Ляхамъ, кричали Козаки. . . . Смерть ему, клятво преступнику. — Сынъ Полежая Иванъ поднялъ знамя бунта, и выступилъ съ вѣрною дружиной противъ приверженцевъ Барабаша.

Пожаръ междоусобной брани запылалъ снова.

Нечаянное и, какъ казалось, незначительное обстоятельство измѣнило ходъ дѣла, и междоусобную брань превратило въ грозную войну, долженствовавшую рѣшить судьбу Украины.

III.

То была ссора Войсковаго Писаря Хмельницкаго съ Подстаростою Чигринскимъ Даниломъ Чаплицкимъ.

Неподалеку отъ Чигрина Хмельницкій имѣлъ отчину сельце Суботово. Чаплицкій вздумалъ усобить его себѣ; донесъ Старостѣ Александру Конецпольскому, что Хмельницкій владѣетъ имъ безъ вида и права, что оно по закону должно отойти къ Староству; и, дожидаясь отвѣта, съ помощію Поляковъ овладѣлъ имъ. Хмельницкій искалъ правосудія; представилъ, что Суботово — его отчина, что отецъ его Михаилъ (Хмельникъ) Сотникъ Чигринскій получилъ его отъ прежняго Старосты Ивана Даниловича за вѣрную службу, и населилъ собственными людьми. Напрасно. Хмельницкій получилъ вмѣсто Суботова 50 флориновъ вознагражденія за протори и убытки и отказъ, въ которомъ забыли ему напомнить, что Козакъ не имѣетъ никакого права селить слободы и тѣмъ менѣе ослушаться начальства. Оставалось просить защиты у Короля. Хмельницкій поѣхалъ въ Варшаву. Чаплицкій между тѣмъ продолжалъ самоуправство: похитилъ

у Хмельницкаго наложницу, и женился на ней, обокралъ его скарбину, сожегъ его мельницы и винокурни, и въ добавокъ приказалъ наказать кїями на Чигринскомъ рынкѣ сына его Тимоѳея за то, что онъ осмѣлился ему противиться и наговорить грубостей. Чаплицкій надѣялся на защиту Правительства, и не обманулся въ расчетѣ. Хмельницкій благосклонно былъ принятъ Королемъ, но въ отвѣтъ на свою просьбу получилъ новый отказъ и строгое приказаніе быть въ совершенномъ повиновеніи у Старосты Чигринскаго и его дозорцы. Поляки давно уже приучили Украинцевъ къ подобнымъ отвѣтамъ на ихъ жалобы, сколько-бы ни были онѣ справедливы; и заставляли сносить ихъ терпѣливо. Впрочемъ Хмельницкій и тутъ не потерялъ надежды выиграть искъ. Случай доставлялъ ему возможность рѣшиться на послѣднее, что оставалось его защитой, что издавна тревожило его сердце, столько-же любившее родину, сколько и честолюбивое.

— Украина плачетъ. Козаки гибнутъ въ недолѣ. И нѣкому защищать ихъ! Нѣкому сломить ярмо Египтянъ! — Будетъ что будетъ, а будетъ что Богъ дастъ. — Еще не умерла Козацкая мать. Чаплицкій и Ляхи не все еще отняли у насъ; еще мы владѣемъ саблѣй! —

Такъ передала намъ память народная тогдашнія думы Богдана. Хмельницкій оставилъ Варшаву мирно, молча, но съ твердымъ намѣреніемъ отомстить за себя и за родину.

Возвратъ его на Украину былъ несчастливъ: Чаплицкій схватилъ его, и посадилъ въ тюрьму; но Провидѣніе спасло Богдана для славы и счастья Украины: прежняя его любовница, жена Чаплицкаго, нашла случай даровать ему свободу.

Овладевъ перепиской Барабаша съ Поляками, Хмельницкій удался на островъ Бучый къ Линчаевцамъ.

Ихъ вождь Иванъ Полежаенко уже не существовалъ: преслѣдуемый съ дру-

жиной своей Ляхами и Барабашевцами, онъ погибъ на битвѣ у Каменнаго Затона. Линчаевцы разбѣжались. Никитинская сѣчь осталась за Ляхами.

Линчаевцы приняли Хмельницкаго съ радостію: онъ подавалъ имъ надежду вновь противостать Барабану; но Хмельницкому мало было побѣды надъ этимъ временщикомъ; онъ бралъ выше, и продолжалъ переписку съ его приверженцами. Запорожцы не поняли его намѣреній, и стали подозрѣвать въ измѣнѣ. . . . Дружина Хмельницкаго и безъ того незначительная, состоявшая прежде изъ 300, потомъ изъ 500 всадниковъ, начала уменьшаться.

Надобно было покориться обстоятельствамъ и поспѣшить дѣломъ, лишь бы угодить товарищамъ. Хмельницкій двинулся къ Никитину Рогу, взялъ сѣчь, позволилъ Козакамъ вырубить весь Гармизонъ Польскій, тамъ бывшій, — и возвратилъ этимъ довѣренность своей дружины; она быстро начала увеличиваться

Тогда Хмельницкій озвалъ Раду, и представилъ на ея разсмотрѣніе переписку Барабаша съ Поляками, изъ которой явно было намѣреніе Польскаго Правительства уничтожить Войско и Козаковъ.

— Выбирайте любое! — говорилъ Хмельницкій Панамъ радникамъ: — гибель и славу, — гибель и срамъ. —

ГЛАВА ВТОРАЯ.

IV.

— Насталъ часъ воли Божіей! — писалъ Хмельницкій Митрополиту. — Молитесь за насъ и за отчизну! — и, разославъ по Украинѣ универсалъ, которымъ убѣждалъ народъ вооружаться крестомъ и саблѣй противъ Ляховъ губителей имени Русскаго, самъ отправился въ Крымъ къ Хану Исламу II просить у него вспоможенія.

Дѣло пошло удачно.

Ханъ обѣщалъ выслать на помощь Хмельницкому цѣлую орду съ Намѣсникомъ Перекопскимъ Тогай-беємъ; — и тѣмъ легче было Хмельницкому возбудить Исламъ-гирея, что за недолго предъ тѣмъ Король Польскій отказался платить

ему обычную дань. Митрополить Петръ наложилъ церковное проклятіе на всѣхъ, кто не станетъ заодно съ Хмельницкимъ, и повелѣлъ во всѣхъ церквяхъ молиться Богу, да спасеть онъ православіе, да будетъ щитомъ противъ тѣхъ, кто забылъ Его любовь, Его милость, Его заветъ Христіанскаго братства. Универсалы Хмельницкаго имѣли повсюднѣйшій успѣхъ.

Взмутилось Правительство Польское, услышавъ о новомъ возстаніи Козаковъ, — оно знало и умъ, и отвагу Хмельницкаго, и любовь къ нему народную, — и поспѣшило возвести Барабаша въ санъ Гетмана, надѣля его новыми дарами; онъ одинъ оставался опорою Поляковъ въ Войскѣ, одинъ могъ въ ихъ пользу имѣть на него вліяніе, если не угрозами то крамолами.

Недолго спустя Барабашъ съ 6000 выступилъ на Хмельницкаго въ дубахъ внизъ по Днѣпру; а сынъ Короннаго Гетмана Николая Потоцкаго Стефанъ съ 6000 пошелъ къ Никитину Рогу полемъ.

Все это войско предъ походомъ присягнуло въ вѣрности республикѣ.

Поляки остушили самую сѣчь, но были отражены, и принуждены отступить.

Почти въ тоже самое время Барабашъ напалъ въ ладьяхъ на Ливчаевцевъ, укрьпившихся на островѣ Томаковѣ и другихъ окрестныхъ островахъ. Въ часъ грозной сѣчи явился Хмельницкій. Съ часъ еще Барабашевцы продолжали храбро сражаться, но, окруженные со всѣхъ сторонъ противниками, положили наконецъ оружіе, предалися на волю Богдана, и, отыскавъ своего Гетмана, какъ говорятъ, спавшаго въ ладѣ межъ комышами, разтерзали его, какъ измѣнника, искусившаго ихъ лукавыми наважденіями. И слава его погибла съ шумомъ. — Суди насъ! мы виновны! говорили Барабашевцы Хмельницкому. Филонъ Джеджелей, первый изъ Козаковъ, устремившихся на Барабаша, поднесъ ему булаву убитаго Гетмана; но Хмельницкій на восклицаніе

Козаковъ: — она твоя! — отвѣчалъ: она ваша, и я вашъ! Ляхи ждутъ насъ. Отомстимъ, и будемъ правы. — Ладьи ринулись. Громкій гай раздался по волнамъ Днѣпра. У Желтыхъ водъ Поляки ждали Козаковъ.

У Желтыхъ водъ вскипѣла новая сѣча... Подоспѣвшіе Крымцы окружили лагерь Польскій. Три дня Поляки оборонялись пушками; но терпѣніе ихъ наконецъ истощилось. Многіе изъ нихъ перешли на сторону Хмельницкаго. Остальные еще разъ сразились, и дали тылъ, направля свое бѣгство къ Княжимъ Байракамъ. Козаки преслѣдовали ихъ, снова разбили, и овладѣли всѣмъ обозомъ. Много Ляховъ пало: палъ и юный рыцарь Потоцкій. Въ числѣ плѣнныхъ были: Шембекъ, Янъ Сапѣга, Стефанъ Чарнецкій и Иванъ Выговскій. Не многіе спасли жизнь бѣгствомъ.... Шумно и весело окончили Запорожцы грозный день Желтоводской битвы, 5 Апрѣля 1646 года — битвы — побѣды надъ своими деспотами

послѣ безчисленныхъ поражень. На другое утро они двинулись вверхъ по Днѣпру.

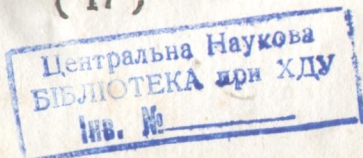
Вѣсть о побѣдѣ Хмельницкаго быстро разнеслась по Украинѣ.

812595
Она достигла Трильсы, — и Гетманъ Потоцкій, вышедшій-было на помощь къ своему сыну, поспѣшилъ принять мѣры: послалъ къ Королю просить подкрѣпленія, набиралъ изъ черни отряды стрѣлковъ, и вмѣстѣ съ Полевымъ Гетманомъ Мартыномъ Калиновскимъ пошелъ къ Корсуню, и въ милѣ отъ этого города, близъ Стеблова, сталъ въ окопахъ.

Она достигла и Переяславля, гдѣ Асаулъ Максимъ Кривоносъ, набиралъ охотниковъ на помощь Барабану. Узнавъ о смерти его и гибели Поляковъ, Кривоносъ сталъ за Хмельницкаго, и съ 2000 всадниковъ двинулся къ Чигришу, къ нему на помощь.

Она достигла и Умани, гдѣ Козаки Уніаты стекались подъ знамена какого-то Монаха. Узнавъ о битвѣ Желтовод-

(17)

ской, они поспѣшили на помощь Потоцкому, но, или не попавъ на ту дорогу, или не зная мѣста его стана, пришли къ рѣкѣ Тясмину, и стали станомъ неподалеку отъ Чигрина, у Рудаго става. Несмотря что число ихъ простиралось до 5,000, Хмельницкій пошелъ противъ нихъ съ небольшимъ отрядомъ, жестоко разбилъ, принудилъ положить оружіе, и всѣхъ, кто не успѣлъ обратиться въ бѣгство, связанныхъ привелъ въ Чигринъ. Монахъ и нѣкоторые начальники были казнены: остальные, около 1500, разобраны Козаками въ прислугу.

Воздавъ благодареніе Богу, и оставивъ стражу въ Суботовѣ, Хмельницкій съ 25000 войска Козацкаго и Татарскаго двинулся къ Корсуню.

Его приближеніе взволновало станъ Польскій. Украинцы, бывшіе въ войскѣ Потоцкаго, подняли тревогу. — Намъ не будетъ пощады! — кричали они. — Лучше сдадимся Богдану по доброй волѣ! — Потоцкій и Калиновскій съ трудомъ удержались.

живали мятежъ до 16 Мая. Но появленіе войскъ Хмельницкаго возобновило тревогу, и страхъ овладѣлъ не только рядовыми, но и нѣкоторыми военначальниками. Одного изъ захваченныхъ въ плѣнъ Козаковъ, Микиту Галагана (Язика) начали пытать о числѣ войска Козацкаго. — Сами узнаете — отвѣчалъ Козакъ — худо-ль, добро-ли нашимъ, когда 50,000 Татаръ и безъ числа Козаки нападутъ на васъ. Еще-же и Хана пѣтъ. Лучше уходите съ миромъ, пока не напали на васъ. — Обманъ Галагана удался. Едва только Татары и Козаки въ одеждѣ Татарской съ крикомъ: — алла, алла! — бросились на станъ Польскій и овладѣли первымъ валомъ; Поляки вырвались изъ укрѣплений, и обратились въ бѣгство. Галаганъ велъ ихъ, и навелъ на болота и трясины. Онъ заплатилъ за это жизнью, но Поляки не могли уже сомкнуться въ боевой порядокъ, и разбѣжались по чащѣ. Напрасно Потоцкій заклиналъ ихъ имеемъ вѣры и короны остановиться;

напрасно угрожалъ карой: чуя гибель, Поляки думали объ одномъ спасеніи, думали каждый о себѣ, и шли на гибель. Украинцы отдѣлились отъ нихъ, и стали подъ знамена Хмельницкаго; а Хмельницкій между-тѣмъ послалъ часть своего войска въ лѣсъ, перекопавъ рвами и обложивъ деревьями дороги, другіе отряды разставилъ на выходахъ изъ лѣсу, и самъ началъ гнать Поляковъ съ тылу въ чащу. Не имѣя ни силъ, ни времени сопротивляться, непрерывно утопая съ лошадьми и повозками въ тинѣ болотъ, топяхъ и трясинахъ, обстрѣливаемые съ боковъ, поражаемые сзади саблями и спицами, Поляки не сражались, а падали, или умирая отъ немочи и ранъ, или сдаваясь, и прося пощады. — Нѣтъ пощады! — былъ отвѣтъ, — и Поляки гибли.... Потоцкій, Калиновскій, Графъ Синявскій, Донгофъ, Пржіемскій, многіе другіе вельможи и нѣкоторые рядовые взяты въ плѣнъ. Прочіе всѣ пали, а такихъ было, какъ говорятъ иные, до 40,000. Добыча раздѣлена

между Козаками. Плѣнные отдапы Татарами. Потоцкій просидѣлъ недѣлю верхомъ на пушкѣ.

Пославъ отряды въ Каневъ Черкасы, Койдакъ и другіе Подѣпровскіе города, занятые Поляками, Хмельницкій вступилъ въ Бѣлую церковь. Съ кликами радости принялъ народъ счастливаго побѣдителя, и призналъ его Гетманомъ славнаго Войска Запорожскаго по обѣимъ сторонамъ Днѣпра сущей Украины. Войско его увеличилось до 40,000, — и Владиславъ Король Польскій, шедшій на помощь своимъ, приужденъ былъ возвратиться назадъ. Оставалось отомстить за себя. Чаплицкій былъ схваченъ и приведенъ къ Гетману. Онъ просилъ милости, — и получилъ; Хмельницкій велѣлъ обречь ему голову, усы, которыми онъ хвастался, и бороду, которую носилъ онъ въ подражаніе отца своего покровителя, Станислава Конецпольскаго, — и отпустилъ на волю.

V.

Счастливыи успѣхъ Хмельницкаго возбудилъ упавшій духъ народа Украинскаго. Настала година мести. Польскіе Старосты, Польскіе судьи, Шляхтичи, Уніаты, гарнизоны, Жиды, всѣ, кто прежде безнаказанно угнѣталъ и губилъ его, всѣ гибли. Села пылали. Вражья кровь лилась потоками. Клики озлобленія и побѣды мѣшались съ воплями страдальцевъ винныхъ и невинныхъ. Такъ Украина возвращала себѣ потерянное благоденствіе, спасала поправную вѣру, ликовала пиръ своего возстановленія.

Воеводою Русскимъ былъ тогда Князь Іеремія Вишневецкій. Прежде ревностный Грекороссіянинъ, онъ сдѣлался еще болѣе ревностнымъ Уніатомъ, а потомъ и Католикомъ, и по обычаю всѣхъ Уніатовъ и Католиковъ, имѣвшихъ силу и случай, сталъ угнѣтать Украинцевъ, особенно Козаковъ, принуждая къ Уніи. Онъ вырывалъ у нихъ глаза, вѣшалъ ихъ,

сажалъ на колъ, рѣзалъ, морилъ голодомъ, мучилъ всѣми ужасными муками медленной казни. — Пусть чувствуютъ, что умираютъ! — говорилъ онъ, — и часто онъ самъ присутствовалъ при казняхъ, будто радостью его очей была кровь православныхъ и радостью слуха ихъ вопли и стоны. Звѣрство его не знало предѣловъ.

Не знало предѣловъ и мщеніе народа. Вишневецкій съ войскомъ и дворнею ушелъ въ Польшу. А между тѣмъ вся западная Украина наполнилась толпами вольниковъ, губившихъ враговъ Православія. Около Канева Лисенко съ Вовгуревцами сдиралъ кожи съ Уніатовъ и Жидовъ; вокругъ Кіева бѣдовалъ Харченко; на Подолѣ буйствовали толпы гайдамакъ съ Остапомъ Павлюкомъ и Морозенкомъ; на Волыни падала подъ ударами дружины Ганжи Польская шляхта; Чорнота, Калишъ, Воронченко, Лобода, Бурлай, Полкожуха, Небаба, Нечай, Тиша съ дружинами проникали въ глубь Польши. Всѣхъ грознѣе, всѣхъ ужаснѣе была

кравчина Максима Кривоноса и Пуль-
яна: разсѣявшись по Вольши и Подолу,
она усыпала свой путь пепломъ и обли-
вала кровью, не зная пощады ни къ же-
намъ, ни къ дѣтямъ и старцамъ. Разби-
тый подѣ Звягелемъ воинами Вишневец-
скаго, Кривоносъ положилъ 6000 изъ
нихъ на полѣ битвы подѣ Полоннымъ;
потомъ въ Умани и Ладыжинѣ принесть
въ жертву своему мщенію цѣлую толпу
Жидовъ и Уніатовъ; и по взятіи Бара со-
вершилъ столь же кровавую тризну
надѣ 3000 Уніатовъ и 15,000 Жидовъ.
Напрасно Вишневецкій преслѣдовалъ его,
напрасно сражалъ, — Кривоносъ продол-
жалъ лить потоками кровь и разноситъ
повсюду пламя. Лисенко попался первый
въ руки Вишневецкаго. Полунагой, по-
крытый безчисленными ранами, калѣка,
съ обоженными глазами, онъ тронулъ
своимъ видомъ сердце безжалостнаго
Князя; онъ, казалось, былъ недостоинъ
казни, и брошенъ въ тюрьму. Двѣ недѣ-
ли лежалъ онъ въ ней лишенный пищи

и свѣта, — и долежалъ печальнаго избавленія. Его дружина, не предполагая, что онъ еще живъ, пылая только однимъ мщеніемъ за гибель своего храбраго вождя, ворвалась въ Немировъ, гдѣ умеръ онъ, и возвратила его къ жизни. Можно предполагать, какія слѣдствія имѣлъ этотъ случай.

VI.

Наконецъ Войска Польскія подъ начальствомъ Владислава Князя Острожскаго, Александра Конецпольскаго и Николая Остророга выступили противъ мятежниковъ, — и въ то же время Конвокаціонный сеймъ послалъ къ Хмельницкому Комиссаровъ требовать мира и вѣрности Польшѣ.

Хмельницкій самъ желалъ этого, и писалъ къ Владиславу еще 2 Іюня, прося у него мира, освобожденія народа Украинскаго отъ угнетеній и возстановленія прежнихъ правъ его; но это письмо не

застало уже Владислава въ живыхъ: еще 10 Мая онъ умеръ въ Меречѣ. Говорятъ, что собственный его духовникъ, подкупленный Примасомъ, умертвилъ его.

Условія, предложенныя Хмельницкому посольствомъ Польскимъ были слишкомъ жестоки, — и Хмельницкій съ презрѣніемъ отвергнулъ ихъ; Комиссары начали грозить оружіемъ и силой, — и Хмельницкій, обнародовавши новый Универсалъ, которымъ убѣждалъ вооружаться всѣхъ, кто можетъ и умѣетъ владѣть саблѣй, выступилъ въ походъ. Около 5000 Татаръ съ Карабчей-Мурзою соединились съ нимъ неподалеку отъ Пикова.

Поляки готовились не на бой, а на свадебный пиръ. Латы и збруя воиновъ блистали серебромъ и золотомъ, шлемы были украшены драгоцѣнными перьями; кони покрыты богатыми коврами и сѣдлами; и 100,000 повозокъ слѣдовало за войскомъ, въ которомъ реестровыхъ воиновъ было не болѣе 36,000. Это войско стало станомъ у Пилявы. О непріятелѣ

не думали, надѣялись твердо на побѣду. Одинъ только Вишневецкій, дознавшій силу Козаковъ личнымъ опытомъ, опасался неудачи, и, провѣдавъ, что Хмельницкій послалъ къ Хану просить помощи, убѣждалъ Князя Острожскаго поспѣшно двинуться противъ Запорожцевъ и сразиться съ ними прежде ихъ соединенія съ Татарами. Воевода Брацлавскій Адамъ Кисель, Полякъ по службѣ, Украинецъ по роду и вѣрѣ, предлагалъ напротивъ помедлить военными дѣйствіями, испытать еще разъ мирныя предложенія; говорилъ, что возобновленіе войны зависѣло не столько отъ Хмельницкаго сколько отъ буйства Козаковъ и чрезмѣрности требованій Комиссаровъ, что Хмельницкій, предложивъ миръ самъ, конечно приметъ его на условіяхъ необходимыхъ для Рады. Со слезами просилъ Кисель Вишневецкаго забыть месть мятежникамъ и вспомнить объ отчизнѣ. Вишневецкій остался непреклоненъ. — Забуду, какъ свое добуду! — говорилъ онъ, и пригото-

влялся къ выступленію. И вотъ слухъ о приближеніи Хмельницкаго достигъ ста-на. — Время потеряно! — кричалъ онъ, и въ ярости убилъ своего вѣрнаго оруженосца, принесшаго ему вѣсть, что Козаки уже соединились съ Татарами, и что Хмельникій овладѣлъ двумя замками неподалеку отъ Пилявы. Новый вѣстникъ, объявившій, что самъ Ханъ съ огромной ордою быстро спѣшитъ къ Пилявѣ, разочаровалъ самоувѣреннаго Князя Острожскаго. Онъ увидѣлъ тогда свою опрометчивость, молчаніемъ отвѣчалъ на упреки Вишневецкаго, и велѣлъ своему войску отступить за Случь къ Константинову. Вишневецкій сразился съ Козаками на берегахъ Случи, собственными руками умертвилъ Максима Кривоноса, но разбитый Морозенкомъ бѣжалъ въ свою очередь. Козаки преслѣдовали Поляковъ, отняли у нихъ многоцѣнный обозъ, заняли ихъ у Константинова, овладѣли этимъ городомъ, и заставили Поляковъ бѣжать къ Збаражу. И здѣсь они оставили ихъ

не надолго. Едва только Поляки успѣли
осѣсть въ этомъ городѣ, Хмельницкій съ
Ханомъ явился готовый на битву, и сно-
ва обратилъ въ бѣгство своихъ враговъ.
Городъ сдался; 50 пушекъ и богатая до-
быча золотомъ и тканями досталась Ко-
закамъ; плѣнные вельможи отданы Тата-
рамъ. Отсюда Хмельницкій направилъ
свой путь ко Львову, и осадилъ его въ
началѣ Октября. Не смотря на храбрую
защиту его Христофоромъ Арциссевичемъ,
недостатокъ военныхъ и съѣстныхъ запа-
совъ скоро принудилъ Ляховъ подумать
о переговорахъ. Козаки и Татары, полу-
чивъ богатую контрибуцію, отошли къ
Замостью. Впрочемъ Хмельницкій, убѣж-
даемый Адамомъ Киселемъ, не спѣшилъ
военными дѣйствіями, и послалъ на Сеймъ
пословъ съ предложеніемъ мира. Замѣча-
тельно то, что Поляки милостиво обо-
шлись съ этими послами: столь страшна
была уже для нихъ сила Козацкая. Ме-
дленно и неудачно тянулась осада За-
мостья: лѣнливо осаждалъ Хмельницкій,

ожидаѣ вѣсти мира; храбро отражалъ Комѣдантъ его Людовикъ Вейеръ, Эльбингскій Кастелянъ нападенія Татаръ и Козаковъ. Наконецъ Хмельницкій получилъ отъ Киселя письмо, съ вѣстью объ избраніи Королемъ Польскимъ брата Владиславова Кардинала Іоанна Казимира, — и, удовольствовавшись данью 20,000 злотыхъ, снялъ осаду, несмотря на гнѣвъ Крымцевъ и ропотъ Козаковъ. Кисель увѣрилъ Хмельницкаго, что Король хочетъ непременно возстановить спокойствіе въ республикѣ, прекратить пагубную гражданскую войну, которая грозитъ бѣдою всѣмъ отъ Турокъ и Татаръ, и потому будетъ неслишкомъ разборчивъ въ выборѣ условій. Киселю можно было повѣрить: онъ любилъ родину не менѣе своего долга. Одно только приводило Хмельницкаго къ сомнѣнію, — Вишневецкій, заклятый врагъ Козаковъ, незадолго до избранія сдѣланъ Предводителемъ войскъ, и уже успѣлъ своими крамолами охолодить пріязнь Хана къ Хмельницко-

му; но Гетманъ зналъ также, что Іоаннъ Казимиръ — врагъ Вишневецкаго; — и когда Посоль Короля Смяровскій пріѣхалъ съ предложеніемъ мира, когда Хмельницкій прочелъ дружелюбное письмо Короля, и узналъ, какую важную роль играли его Послы на Сеймѣ, что даже съ ихъ помощію Іоаннъ Казимиръ избранъ былъ Королемъ, — его недовѣрчивость исчезла: онъ обѣщалъ Королю миръ, и съ торжествомъ возвратился въ Украину.

Вблизи Кіева Митрополитъ Сильвестръ, преемникъ Петра, и важнѣйшее Духовенство встрѣтило Хмельницкаго и его сподвижниковъ. Колокольный звонъ будто въ Великій день и звуки трубъ мѣшались съ кликами восторженнаго народа. — Слава Богдану, избавителю нашему! — восклицали толпы. — Миръ Христіанству! — отвѣчалъ имъ Хмельницкій, — и единодушное искреннее благодареніе Всевышнему, благословившему мечъ Хмельницкаго во славу Креста, из-

дилось изъ устъ всѣхъ. Давно, давно Кіевъ не видалъ такого торжества; давно молитва Православныхъ не возносилась къ престолу Вседержителя съ такой радостью; давно войско Запорожское не знавало такой славы! За долго-ль оно было вмѣстѣ со всею Украиной покорной рабыней аристократовъ Польскихъ, ихъ воли, ихъ прихотей, ихъ крамоль и козней!

VII.

Такъ начался для Хмельницкаго и Украины 1649 годъ.

Вѣсть о побѣдахъ Богдана разнеслась по всему Востоку Европы. Князь Трансильванскій, Господари Молдавскій и Валахскій, разные владѣтели ордъ Татарскихъ прислали къ нему первые Пословъ, поздравляли съ благополучнымъ окончаніемъ войны, предлагали союзъ и дружбу, препровождая вмѣстѣ съ тѣмъ богатые дары. Вскорѣ потомъ явились и По-

слы Султана: онъ слалъ къ нему булатную саблю, кафтанъ, опушенный горностаемъ, булаву, осыпанную драгоценными камнями и жемчугами, а Козакамъ 40 мѣшковъ съ серебрянными Турецкими левами, приказавъ Хану Крымскому и Пашѣ Силистрійскому помогать Хмельницкому войсками; тогда-же заключилъ Гетманъ договоръ съ Турціею, очень выгодный для Украины.

Переяславль, гдѣ Хмельницкій принималъ всѣхъ этихъ Пословъ, зашумѣлъ скоро новою радостью; то былъ бракъ Гетмана съ его прежней любовницей, похищенной у него Чаплицкимъ. Ихъ вѣнчалъ Коринѣскій Митрополитъ Іосафъ. Цѣлую недѣлю продолжались свадебные пиры. Толпы веселаго народа не составляли большую загородную площадь, что близъ кладбища, ни днемъ ни ночью: они пили, пѣли, веселились, славили Хмельницкаго и за его славу и за его вино. Свидѣтелями этой радости народной были новые Послы — Послы Царя Московскаго.

Гетманъ встрѣтилъ ихъ верхомъ за городомъ, и великолѣпно принялъ. Тѣ Посланцы были: Василій Михайловъ и Григорій Унковскій. Они привезли Гетману Царскую добрую Грамоту и дары соболями, и отвезли Царю дары Хмельницкаго — лошадь и лукъ Турецкій. Съ ними поѣхалъ и Чигринскій Полковникъ Ѳеодоръ Вешнякъ просить у Царя покрову Войску и всей Украинѣ.

Наконецъ въ Февралѣ мѣсяцѣ прибыли въ Переяславль и Послы Польскіе, изъ коихъ главный былъ Воевода Кисель. Съ громомъ пушекъ и звуками трубъ принялъ ихъ Хмельницкій. Іоаннъ Казимиръ присылалъ ему: булаву, осыпанную сафирами, пурпуровую хоругвь съ бѣлымъ орломъ и вензелемъ (или именемъ) Королевскимъ и Грамоту на достоинство Гетмана. Хмельницкій старался всячески угодить Депутатамъ, ласкалъ ихъ, дарилъ, ежедневно увеселялъ пирами и разными играми. Здоровье пили изъ золотыхъ пугаръ, и молодая жена Хмельницкаго, у-

крашенная драгоцѣнными парчами, ка-
меньями и клейнотами, сама подчивала
Пословъ и мужа трубками. — Богъ
дастъ, — говорилъ Хмельницкій — я за-
мирюсь съ добрымъ Королемъ: тогда же-
на сварить намъ борщу, и забудемъ бы-
лое за дружнымъ столомъ. — То былъ
старый обычай — поминать сѣмейное
замирье борщемъ за дружнымъ столомъ.

Казалось, миръ будетъ проченъ: та-
кое дружелюбіе соединяло Гетмана съ
послами; но такъ ластятся другъ ко дру-
гу два пса, — и охаживаютъ другъ друга,
и мирны какъ агнцы; увидите, они взгры-
зутся. Скоро Хмельницкій собралъ Вой-
сковую Раду, и она, послѣ многихъ спо-
ровъ и распрей, обругавъ пословъ Поль-
скихъ, согласилась предаться Королю съ
тѣмъ, что-бы возстановлены были всѣ
стародавнія права и вольности Козаковъ,
что-бы комплектъ реестровой кравчины
состоялъ изъ 40,000, чтобы Жиды и
Иезуиты всѣ до одного были изгнаны изъ

Украины, что-бы Унія была уничтожена, что-бы во всемъ воеводствѣ Кіевскомъ должности были въ рукахъ однихъ православныхъ, что-бы Митрополитъ Кіевскій былъ Членомъ Сената; и наконецъ, что-бы Чаплицкій былъ выданъ Радѣ, а Вишневецкій удаленъ отъ начальствованія Войскомъ. Кисель убѣждалъ Хмельницкаго смягчить требованія Рады, но Рада осталась непреклонна. Поляки не приняли предложенныхъ условій, и переговоры окончились тѣмъ, что военныя дѣйствія отсрочены до Троицына дня.

VIII.

Еще 17 Января — Іоаннъ Казиміръ короновался въ Краковѣ; еще въ Февралѣ Войска Польскіе, порученные Фирлею, Ланцкоронскому и Остророгу, выступили въ походъ.

Возмущенія въ Барѣ и Тарнополѣ, куда Король для усмиренія бунтовщиковъ послалъ Фирлея, были поводомъ къ

начатию войны до исеченія срока перемирія; впрочемъ до Іюня время протекло въ частныхъ сшибкахъ.

Наконецъ рушилъ и Хмельницкій съ Татарами. Все войско его простиралось до 300,000. Эта ужасная рать, какой, по словамъ Летописцевъ Польскихъ, не видано было со временъ Атиллы и Тамерлана — 13 Іюня осадило Збаражъ, гдѣ 10,000 войска Польскаго было заперто съ Фирлеемъ, Вишневѣцкимъ, Конецпольскимъ и другими военначальниками. Два мѣсяца длилась осада. Храбро нападали на осажденныхъ Козаки и Татары, — отважно, отчаянно защищали себя Ляхи; но осаждающіе могли продлить осаду, сколько будетъ нужно, будучи богаты военными и съѣстными запасами, между тѣмъ какъ осажденные съ каждымъ днемъ терпѣли большій недостатокъ, и въ томъ и въ другомъ: голодъ заставилъ ихъ питаться лошадьми, собаками, кошками, печеной землей, вареными кожами. Зараженный зловоніемъ тру-

повъ воздухъ родилъ морь. Ляхи гибли; Ляхи требовали у Хмельницкаго снятія осады. Онъ соглашался; онъ писалъ къ Фирлею: — нежелаю крови Христіанской, ни гибели невинныхъ, но долженъ исполнять требованіе Рады: она согласна на снятіе осады, лишь бы ей выданъ былъ Вишневецкій, Конецпольскій, и другіе Вельможи, заклятые враги Козачества и Православія. — Осада длилась. Ляхамъ оставалась одна надежда, — помощь Короля; но Король былъ еще далеко, Король и не думалъ спѣшить, Король не забылъ своего медленнаго важнаго Кардинальскаго шага. Сыскался охотникъ, отвѣчавшій своей головой, что сыщеть средство увѣдомить Короля о бѣдѣ Збаражской. Настала мрачная, глухая ночь. Грозныя тучи нависли надъ Збаражемъ. Кое-гдѣ только тускло блестяли подобно блуждающему огню маяки Козацкіе, и на Востокъ сверкала по временамъ сухая молнія. Будто подкодная змѣя ползъ черезъ валы, пробивался сквозь

полисады, вился вокругъ шанцевъ юный Полякъ. Малѣйшій шорохъ его останавливалъ; малѣйшая тишь его подвигала впередъ. То былъ Посланикъ Збаражскій. Ночью онъ ползъ, на день укрылся подъ сухими листьями. На другую ночь онъ опять ползъ, и днемъ снова исчезалъ въ листьяхъ. Онъ счастливо добрался до Короля.

Въ день Св. Іоанна Крестителя, благословенный Нунціемъ Папскимъ Іоанномъ де Торресомъ, подъ сѣнію хоругви имъ освященной, съ 20,000 войска Іоаннъ пошелъ противъ Хмельницкаго; молитва и посты были его вожатаями, его утѣхой. Въ половинѣ Августа онъ приблизился къ Зборову. Пущенное на стрѣль писмо изъ стана Козацкаго увѣдомило осажденныхъ въ Збаражъ о его приходѣ, — и осажденные съ большимъ мужествомъ стали обороняться отъ натиска Козаковъ и Татаръ.

Едва только вѣсть о приближеніи Короля достигла Збаража, Хмельницкій

и Ханъ, оставя часть войска для поддержанія осады, выступили на встрѣчу новаго воинства. Счастье помогло имъ. Туманнымъ утромъ, въ то самое время, когда Король переправлялся чрезъ болота, они напали на него, отбили обозъ, и окружили его воиновъ со всѣхъ сторонъ. Король былъ въ опасности; Балдуинъ Оссолинскій спасъ его цѣною своей жизни. Битва длилась цѣлый день. Къ ночи Козаки и Татары совершенно овладѣли положеніемъ стана Поляковъ. Несчетное множество ихъ погибло во время строенія окоповъ. На утро должна была разразиться ужасная сѣча. Военначальники Польскіе, страшась, что ихъ храбрость не устоитъ противъ огромной силы враговъ, еще болѣе страшась мятежа въ станѣ, по которому пронеслась молва, будто Король думаетъ бѣжать со всѣми Вельможами и оставить ихъ на произволъ ярости непріятельской, не знали что предпринять. Оставалось одно — убѣдить къ миру Хана, который когда-то былъ у

Поляковъ въ плѣну и получилъ свободу по милости Владислава IV. Король, для предотвращенія смятеній въ войскѣ, не смотря на ненастье, объѣхалъ станъ, увѣряя солдатъ, что по наступленіи утра, онъ съ ихъ помощію надѣется разбить врага; и потомъ послалъ къ Исламу плѣннаго Татарина съ письмомъ, предлагая миръ и союзъ. Наступило утро. Татары устремились на станъ, а Козаки на городъ. Не смотря на первыя неудачи, и тѣ и другіе успѣли овладѣть многими укрѣпленіями, и Хмельницкій развилъ свое знамя на главномъ валу стана Польскаго... Ханъ не слалъ Королю отвѣта... Поляки получили его только въ полдень, будучи уже приведены въ самое жалкое положеніе... Битва прекратилась. Ханъ соглашался на миръ, обѣщалъ склонить къ миру и Хмельницкаго, который съ своей стороны писалъ къ Королю о своемъ желаніи окончить брань, лишь-бы только Козаки и народъ Украинскій во-

обще были обезпечены въ правахъ и спокойствіи.

Среди лагерей трехъ войскъ, гдѣ еще во множествѣ разбросаны были жертвы раздора, гдѣ не смотря на строгія запрещенія громъ орудій прерывалъ по временамъ стоны умиравшихъ, начались переговоры; и наконецъ заключенъ миръ, по которому Польша обязалась платить Хану ежегодно по 30,000 злотыхъ, выдавъ тотчасъ такую сумму за два прежніе года, Козакамъ вмѣстѣ съ забвеніемъ всего бываго предоставлены всѣ прежнія права, число реестровой конскрипціи положено 40.000, рѣка Горынь назначена предѣломъ между Украиной (Гетманщиной) и Польшей, Жида и Уніаты должны быть выведены отовсюду, гдѣ имѣютъ право жить Козаки, и Митрополиту Кіевскому дано право засѣдать въ Сенатѣ.

Збаражъ, гдѣ Поляки подкрѣпляемые въ мужествѣ храбрымъ Фирлеемъ не преставали сражаться съ голодомъ, мо-

ромъ и Козаками, между которыми отличался воинственный Джеджелей, — Збаражъ, покрытый трупами, обцесенный трупами, освободился отъ осады.

Войска Козацкія, бывшіеся съ Радзивиломъ въ Литвѣ, воротились во свояси.

Враги разстались дружелюбно. И миръ сталъ на Украинѣ.

На долго-ли?
